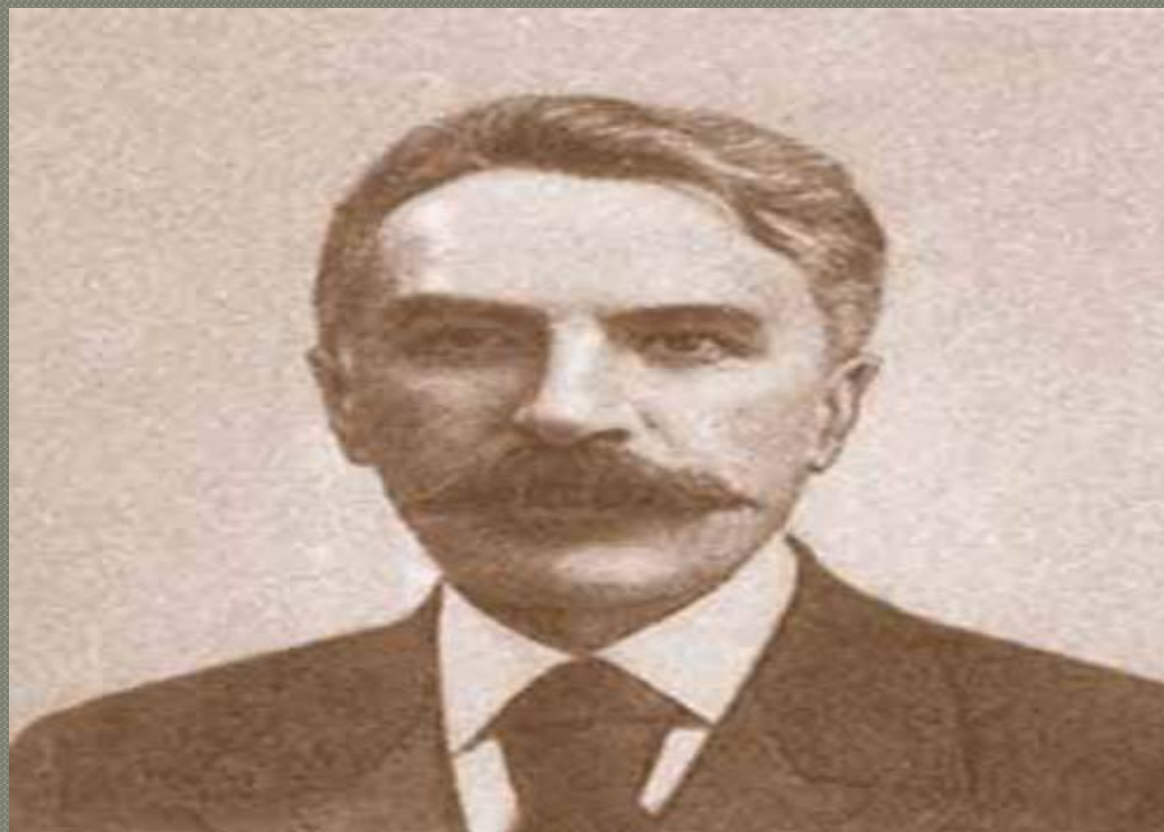

**Презентация на тему:
История жизни
С.А. Андреевского**

«Перебежчик» от прокуратуры, первый по значению поэт из адвокатов и первый адвокат из поэтов, живая виолончель адвокатуры – так характеризовали современники Сергея Аркадьевича Андреевского за художественную красочность в его выступлениях.

Сергей Аркадьевич Андреевский родился 29 декабря 1847 г. в селе Александровка Славяносербского уезда Екатеринославской губернии, близ г. Луганска на Украине).

Родители его были помещиками средней руки, которые, однако, играли «видную роль в светском обществе» местного края.

Отец, Аркадий Степанович, был председателем Екатеринославской казенной палаты и журналистом (именно он первым напечатал в № 63 журнала «Одесский вестник» за 1841 г. известие о смерти М.Ю. Лермонтова).

Мать Сергея Аркадьевича, Вера Николаевна (урожденная Герсеванова) — дочь генерала Н.Б. Герсеванова .

В семье Андреевских было четыре ребенка:

Брат-близнец Сергея Аркадьевича Михаил Аркадьевич (1847—1879) стал профессором математики Варшавского университета;

Павел Аркадьевич (1849—1890) — журналист, драматург и адвокат;

Николай Аркадьевич (1849— 1880) — филолог, приват-доцент Харьковского университета.

Андреевский-Юрист

В 1865 г. С.А. Андреевский окончил с золотой медалью гимназию в Екатеринославе, а в 1868 г.— юридический факультет Харьковского университета.

С февраля 1869 г. он служил кандидатом на судебные должности при прокуроре Харьковской судебной палаты под непосредственным начальством товарища прокурора А.Ф. Кони. 27 марта 1870 г. по рекомендации Кони Сергей Аркадьевич был причислен к Министерству юстиции и откомандирован на самостоятельную должность судебного следователя при Орловском окружном суде, позже, под руководством А. Ф. Кони занимал должности товарища прокурора Казанского окружного суда, товарища прокурора окружного суда в Петербурге.

А.Ф. Кони характеризовал Андреевского как обвинителя следующим образом: «Он был, что называется, на своем месте. Его сдержанное по форме, спокойное обвинение, однако, почти всегда достигало своей цели — защиты общественного порядка против его нарушителей, и он считался одним из сильных, по результатам, обвинителей, вызывавших особое внимание присяжных к своим доводам, чуждым красивых фраз и излишней полемики с защитником».

Сам Андреевский описывал свой опыт обвинителя следующим образом: **«Когда я был в прокурорском надзоре, то чувствовал себя очень странно. Часто отказывался от обвинений. Обвинял с таким беспристрастием, что защитнику ничего не оставалось говорить. А между тем у меня получалось наибольшее количество обвинений... Наконец, судьба меня вывела на мою настоящую дорогу»**

24 января 1878 г. случилось событие, которое вскоре радикально перевернуло служебную карьеру Сергея Аркадьевича, он отказался быть обвинителем по делу В. Засулич, за что позже был уволен от должности.

28 сентября 1878 г. Андреевский был принят в число присяжных поверенных при Петербургской судебной палате.

Принял участие в следующих делах:

- **Первое дело – дело Павла Зайцева**, обвиненного в преднамеренном убийстве 24 ноября 1878 г. с целью ограбления приказчика мясной лавки на Невском проспекте
И «Как у него руки не дрожали, когда он покупал это страшное орудие?» — спросите вы. Очень просто: он думал — ведь это еще не преступление, мало ли на что может пригодиться топор? Сделаю подножки для лотка... А не то брошу... К сожалению, Зайцев не психолог. Он не знал, что, купив после таких мыслей топор, он попадал в кабалу к этой вещи, что топор с этой минуты станет живым, что он будет безмолвным подстрекателем. <...> Поступок Зайцева называют дерзким. Это не дерзость, а глупость, это слепота возбуждения».
Присяжные заседатели учли доводы защиты, отвергли версию обвинения о преднамеренном убийстве, квалифицировали преступление Зайцева как «убийство без заранее обдуманного намерения, посредством случайно взятого топора», и признали его «виновным, но заслуживающим снисхождения».
Именно так — «правдиво и художественно» — старался адвокат Андреевский раскрывать в защитительных речах внешние условия жизни и внутренний мир своих подзащитных. Не уходя от юридического анализа, он тем не менее акцентировал психологическую сторону дела, самую личность доверившегося ему «клиента».
Андреевский был убежден, что защитник по уголовным делам должен быть даже не столько юристом, сколько психологом.

- Второе дело - дело Е.И. Маркова и Ф.И. Булгакова, обвиняемых в оскорблении следователя Родиславского.

«Возможно ли смешивать печатную критику действий должностного лица, хотя бы самую беспощадную, с посягательством на его честь и доброе имя? И возможно ли, под этим предлогом, навсегда зажать рот публицистам, исходя из того положения, что если чиновник плохо сделал свое дело, то уже одно разглашение его упущений должно почитаться оскорблением власти? Нет! С таким взглядом невозможно согласиться. Нельзя сливать мундир с человеком до такой степени, чтобы принимать сукно и нашивки за самую кожу. Нужно все-таки помнить, что это только платье и что под этим платьем есть живой человек».

- **Третье дело - дело братьев Клеш, обвиненных в поджоге застрахованного имущества.**

Сергей Аркадьевич тогда заключил, что проникнуть на место преступления, т. е. в крепко запертую кладовую, возможно было для подсудимых только в том случае, если бы *«кто-нибудь из Келешей мог забиться комаром в щелочку или влететь в кладовую через трубу, как ведьма».*

Присяжные оправдали обоих братьев.

Сенатор А.Е. Кичин рассудил так: «Странное дело! Когда читаешь ваши защиты, то кажется, будто все вышло как-то само собой, и никто не виноват. И только впоследствии вдруг хлопнешь себя по лбу и воскликнешь: «Да как же это!» И тогда видишь, что так нельзя». Андреевский возразил: «Почему же вы полагаете, что были правы не тогда, когда находились под впечатлением речей, а лишь после того, как ударили себя по лбу?»

Словом, критики своих речей со стороны завзятых юристов Андреевский слышал много. Тем приятнее для него было узнать, много лет спустя, от присяжного поверенного А.Д. Марголина такое: «Если б вы знали, Сергей Аркадьевич, как вас обворовывают! Вы редко бываете в суде, а я постоянно заглядываю в уголовные залы и почти постоянно, слушая молодых адвокатов, встречаю в их речах знакомые тирады из ваших защит!»

«Ну, что может быть утешительнее?!» — восклицал Сергей Аркадьевич по этому поводу.

● **Четвертое дело - дело Феодосьевой** о «заговоре против государства» и о «покушении на цареубийство» из 18, Подзащитной Андреевского была хозяйка конспиративной квартиры С.К. Феодосьева. С помощью психологического анализа, в котором он всегда был силен, Сергей Аркадьевич обезоружил обвинение, проследив за тем, как повела себя Феодосьева при получении зашифрованной телеграммы о предстоящем поезде (в пределах досягаемости террористов) П.А. Столыпина.

«Получив эту телеграмму вечером 30 марта 1906 г. и узнав из ее содержания важные для заговора сведения, вызвавшие, казалось бы, необходимость в немедленной передаче их по назначению, — рассуждал Андреевский, — Феодосьева, вместо этого, ложится спать. Это — либо измена заговору, либо сумасшествие. Но так как ни того, ни иного нет, остается одно объяснение, что она не знала шифра, не поняла этой телеграммы».

В итоге, военный суд оправдал Феодосьеву.

Андреевский- поэт

Литературную деятельность Андреевский начал для поэта очень поздно — в 30 лет и притом совершенно случайно, заинтересовавшись одним стихотворением Мюссе, которое ему захотелось передать в русском переводе. До тех пор он не написал ни одного стиха. Это объясняется тем, что пора юности поэта, по его автобиографическому заявлению, совпала «с разгаром писаревского влияния», которое его «надолго отбросило от прежних литературных кумиров». Начав с переводов, Андреевский вскоре перешёл к оригинальным стихотворениям, которые помещал по преимуществу в «Вестнике Европы». В частности, в №3 этого журнала за 1878 год Сергей Аркадьевич опубликовал перевод всемирно известного стихотворения «Ворон» («The Raven») Эдгара Аллана По. Этот перевод является первым переводом шедевра Эдгара По на русский язык из всех известных.

В 1886 году он издал сборник своих стихов, в состав которого входят 3 поэмы («На утре дней», «Мрак», «Обрученные») и, наряду с оригинальными стихотворениями, ряд переводов из Мюссе, Бодлера, Эдгара По и др. От идей недавнего поклонника Писарева в этом сборнике нет уже ни малейшего следа. Эпиграф его взят из Эдгара По: «Красота — единственно законная область поэзии; меланхолия — наиболее законное из поэтических настроений». Весь сборник есть строгое воплощение этого девиза. В нём нет ни одного стихотворения с общественной подкладкой; поэт прямо сознается, что общественные инстинкты в нём замерли: «в моей груди, большой и грешной, о злобе дня заботы нет». Поэт с горечью относится к своим прежним воззрениям, в которых не видит ничего зиждущего.

«Мрак»

Из долгих, долгих наблюдений
Я вынес горестный урок,
Что нет завидных назначений
И нет заманчивых дорог.
В душе — пустыня, в сердце холод,
И нынче скучно, как вчера,
И мысли давит мне хандра,
Тяжеловесная, как молот.

Чтобы найти выход из душевного мрака, поэт обращается к своему гению, который вызывает ряд картин когда-то пережитых поэтом впечатлений:

Тени туманные, звуки неясные,
Образы прошлого вечно-прекрасные,
Вечно сокрытые мглой отдаления,
Встаньте из мрака в лучах обновления!
Встаньте без горечи, светло-нарядные,
В жизненном облике, сердцу понятные,
Душу воздвигните силой целебною,
Двигайтесь, образы, цепью волшебною!

Андреевский — Критик

Почти отказавшись от поэтической деятельности, Андреевский с конца 1880-х годов, редко, но заметно и интересно, выступал с небольшими, очень изящными и содержательными критическими этюдами и литературными портретами. Сильной стороной этюдов Андреевского является то, что они написаны не только «по поводу», как это часто бывало в русской критике того времени, но действительно задаются целью прежде всего обрисовать духовный облик разбираемого писателя. И Андреевскому часто удается такая задача, когда идет о писателе, в большей или меньшей мере душевно-созвучном критику-поэту.

Так, Андреевскому принадлежит честь обратного водворения на высокое место почти забытого Боратынского, хотя при этом критик впадает в совершенно неправильную полемику против Белинского, якобы умалившего значение Боратынского. Очень интересны этюды о Тургеневе и Лермонтове. Серьёзной заслугой в свое время (1888) был этюд о «Братьях Карамазовых». Это одно из первых проявлений того нового понимания Достоевского, которое в 1890-х годах сменило прежнее, в общем довольно элементарное истолкование сложнейшего творчества этого гения. Вполне остаться в пределах непосредственного истолкования рассматриваемого писателя Андреевскому, однако, не удастся. Слишком для этого он полон вражды к некогда увлекавшей его писаревщине и вообще к публицистическим стремлениям русской литературной мысли.

При общей вражде критика ко всякого рода «гражданственности», он, естественно, должен относиться отрицательно к Некрасову. И этюд о нём так и начинается словами: «Спорный поэт». Затем, однако, критик категорически говорит и о «необычайной даровитости» Некрасова и о том, что поэзия его была «горячей и грозной проповедью», что он «является истинным поэтом в тех случаях, когда излагает народные поэмы народным говором», что даже в сатирах его есть стихи, которые «могут быть названы вечными» и «по художественной правде равны лучшим пушкинским строкам». И в результате читатель приходит к выводу, что Некрасов, совершенно бесспорно, поэт очень большой.

Всего менее удался Андреевскому Гаршин. Внешне он анализирует его очень верно, и скелет творчества автора «Красного цветка» намечен у него вполне правильно; но души скорбного страдальца критик не уловил. То жгучее стремление к идеалу, в котором лежит тайна неотразимого обаяния повестей Гаршина, совсем не затронуло комментатора, с его равнодушием и порою даже враждой к общественности. Он анализирует героические стремления гаршинского творчества с тем же спокойствием, с каким разбирает технические детали гаршинской манеры, и не удивительно, что и читатель разбора доканчивает статью без всякого волнения. И это отсутствие страсти, это часто очень тонкое, но, вместе с тем, холодноватое и суховатое анализирование вполне гармонирует с нарядно-скорбной и усталой поэзией Андреевского и сливается в один

Интересные воспоминания о последних годах жизни С. А. Андреевского оставил **Б. С. Утевский**. Он писал: «Мне навсегда запомнилась его полная изящества внешность. Высокий и стройный, с седеющими густыми еще волосами, с задумчивыми спокойными глазами – он был красив... Мне пришлось повидать его и после Февральской, и после Октябрьской революции. Он не был восхищен Февральской революцией, не ходил на общие собрания адвокатов, а когда я спросил его, не предлагают ли ему какой-либо высокий пост, как некоторым другим адвокатам, он только брезгливо махнул рукой. Октябрьскую революцию он не мог понять. Но мысль об эмиграции не приходила ему в голову. Он не участвовал в саботаже советской власти адвокатурой, но и не мог найти применения своим способностям в новых условиях. Как поэт он был весь в прошлом. Как адвокат он оказался неприспособленным к новым требованиям. К тому же, он был уже стар и немощен».

Любовь на всю жизнь

Жена у Андреевского С.А. была одна на всю жизнь. Юлия Михайловна (Юлик, как звали ее друзья) — дочь «скромного, очень стесненного в средствах отставного капитана» — оставалась его верной спутницей и опорой с мая 1870 г., когда они венчались в Петербурге (шафером на их свадьбе был А.Ф. Кони) и до смерти своей, в 1916 г.

Сергей Аркадьевич пережил свою жену всего на два года. Еще не успев похоронить жену, он сам стал часто и подолгу болеть. Две революции 1917 г. усугубили его физические, нравственные и материальные лишения. «Хвораю, бедствую, доживаю», — писал он Кони 30 декабря 1917 г. «Без занятий, вынужденный опустошить свою квартиру и лишиться любимых книг и произведений искусства, автор «Книги о смерти» ожидал прихода последней. Она не замедлила, и 9 ноября 1918 г. тяжкое воспаление легких, сопровождаемое двухнедельными большими страданиями, унесло жизнь Андреевского».

**Спасибо за
внимание!**